

В водовороте смены эпох

Журнал на фоне общественных потрясений

Э то банально, но и в самом деле факт: время несется с невероятной скоростью. Вроде бы совсем недавно меня именовали «молодым человеком», а сегодня я уже стал ветераном, имевшим возможность собственными глазами наблюдать за поистине тектоническими сдвигами, которые происходили в стране на рубеже веков и тысячелетий. О судьбе нашего журнала в сложнейшую эпоху перемен и хочется рассказать читателям.

...1 июля 1983 года стало первым днем моей работы в редакции журнала «Коммунист». Как было принято, тогдашний главный редактор Р. Косолапов на заседании редколлегии представил меня коллективу и пожелал удачи на посту зам. редактора отдела истории. Сотрудников редакции было в то время довольно много — человек 70, если не больше. Присутствовать на редколлегии, по крайней мере к моменту ее открытия, считалось необходимым. После объявления каких-то организационных решений члены редколлегии приступали к обсуждению представленных статей. После этого можно было покинуть зал заседания, если, конечно, предметом обсуждения не были подготовленные тобой материалы.

Редколлегия собиралась в кабинете главного редактора — огромном зале на втором этаже правого крыла трехэтажного особняка на улице Маркса — Энгельса, расположенного за высоким кирпичным забором и тенистым садом непосредственно за зданием Музея изобразительных искусств им. Пушкина. В центральной части особняка помещался тогда Музей К. Маркса и Ф. Энгельса. Сам особняк и окружающая территория когда-то были усадьбой князей Голицыных. В 1921 году здание передали Институту Маркса и Энгельса (с 1956 года — Институт марксизма-ленинизма — ИМЭЛ), который первоначально возглавлял известный деятель революционного движения Д. Рязанов. После переезда ИМЭЛ в новое здание на улице Вильгельма Пика в двух крыльях особняка разместились редакции всех партийных журналов — «Коммуниста», «Партийной жизни», «Политического самообразования» и «Агитатора».

В международном отделе одного из них, «Политсамообразования», мне довелось некоторое время работать после перехода из Иновещания Гос-

БУШУЕВ Валерий Геннадьевич — член редколлегии журнала «Свободная Мысль», кандидат исторических наук.

Ключевые слова: история России; «Коммунист»; «Свободная мысль»; КПСС; Андропов; Горбачев; распад СССР; постсоветская Россия; гласность; перестройка.

телерадио. Так что здание было для меня хорошо знакомо. Я как бы вернулся в то же место, откуда семь лет назад отправился в командировку в Прагу, в редакцию международного журнала коммунистических и рабочих партий «Проблемы мира и социализма» (ПМС). Правда, теперь в этом здании остался один лишь «Коммунист». Остальные редакции к этому времени были переведены в издательство «Правда» на одноименной улице.

В центре территории, занятой особняком, бил фонтан, радовали глаз полные цветов клумбы. За левым крылом располагалась небольшая волейбольная площадка. А за правым — уютный домик, представлявший собой точную копию владения Энгельса в Лондоне.

Тишина, покой, благоухающие цветы — все это настраивало на какой-то умиротворенный, даже благостный лад. Можно было не сидеть целый день в редакционных кабинетах, а выйти прогуляться, подышать редким для Москвы, тем более ее центра, свежим воздухом.

Следует заметить, однако, что в целом обстановка в стране и в столице показалась мне, после длительного пребывания за границей, очень далекой от покоя и благостности. Прошло чуть больше полугода после смерти Л. Брежнева, 18 лет правившего партией и государством. Выросло целое поколение, не знавшее никакой иной власти, кроме брежневской. Мой десятилетний сын, с детства привыкший к несколько иным, чем в Москве, образцам поведения на улицах и в общественных местах, сразу стал спрашивать: «А почему здесь такие злые и грубые люди?» Что можно было ответить ему? Как объяснить, что обстановка, сложившаяся в стране в годы правления Брежнева, особенно во второй его половине, не могла не породить озлобления огромной массы простых людей? Это было их естественной реакцией на все то, что они ежедневно видели вокруг себя.

Существовавшая со времен Сталина командно-бюрократическая, авторитарная система, подвергнутая при Хрущеве лишь косметическому ремонту, тормозила прогрессивное развитие, замораживала возможности социализма, мешала раскрытию его огромного потенциала, превратилась в застойную и затратную систему, оказавшуюся неспособной решать жизненные проблемы страны.

Система управления, сложившаяся в условиях экстенсивного роста экономики, с ее чрезмерной централизацией и жесткой регламентацией пришла в острое противоречие с изменившейся обстановкой, с возросшими потребностями народа, с императивами научно-технической революции. Принимавшиеся в хрущевские времена полумеры явились слабой попыткой преодолеть диктат центральных экономических ведомств. После смещения Хрущева вновь укрепилось централизованное начало, усилилось административное давление, приказные методы руководства. Акцент по-прежнему делался на директивное планирование, административное давление центра. Министерства и их ответвления росли, как грибы, а вместе с ними все больше разрастался бюрократический аппарат.

Пришедшее к власти брежневское руководство представляло собой консервативное, аппаратно-бюрократическое начало в партии. Оно органически вписывалось в административно-командную систему, свято охраняя ее догмы, предрассудки и пороки. В стране на многие годы воцарилась атмосфера духовной и интеллектуальной затхлости, усиливался нажим сил,

которые мешали развитию всякой свободной мысли. А. Черняев, занимавший в ту пору пост заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС и имевший в силу этого возможность непосредственно наблюдать за деятельностью высших эшелонов партийно-государственной власти, посвятил описанию нараставшего маразма брежневского режима немало страниц одной из своих книг¹. По его словам, идеология, необратимо утратившая к концу 1960-х — началу 1970-х годов свой былой революционный, вдохновляющий и мобилизующий потенциал, окончательно слилась в это время с лживой «пропагандой успехов». Оторванная от реалий внутри и вовне, потерявшая всякую эффективность, она перестала уже использоваться в практических делах, но нужна была для сохранения имиджа альтернативы «империалистическому Западу». И конечно, служила демагогическим прикрытием партийно-государственного контроля за духовной жизнью общества.

Падение материального уровня основной массы населения, набившие оскомину официальщина, бесконечная ложь и фарисейство власти стали вызывать все более активный протест различных общественных сил. «Реакцией, — пишет Черняев, — было ожесточение идеологических чиновников, включая ортодоксов официальной науки. Борьба шла уже не за идеи, а за сохранение социальных и властных привилегий. Соответствовало такой цели и “качество” средств — наглая демагогия, запугивание, шовинизм, черносотенство, антисемитизм. Это не было официально оформленной, “утвержденной” политикой. Но отражало настроения и уровень “культуры” многих членов Политбюро, секретарей ЦК, аппаратных бонз, обкомовских и министерских начальников. Ими и поддерживалось».

С каждым годом деградация личности быстро дряхлевшего генсека нарастала. Ее характерные проявления — бесконечные самонаграждения, вопиющая вульгарность в демонстрации себя в качестве беспрекословного «хозяина» страны, поощрение позорного подхалимажа, вакханалия приветствий и поздравлений, которые от его имени едва ли не ежедневно направлялись фабрикам и заводам, республикам и городам, всяким прочим коллективам, — все это не могло в возрастающей степени не раздражать людей. Задушив еще в первые годы своего правления косыгинскую реформу, положив конец любым попыткам продолжения десталинизации советского общества и выявления корней сталинизма, Брежнев покончил с мечтами значительной части нашего общества о переменах, обновлении еще не утратившей до конца способности к саморазвитию системы.

По мере загнивания режима в обществе пышным цветом расцвели лицемерие, двоедушие, двоемыслие, показуха. На работе, на собраниях люди говорили одно, дома, на кухне — прямо противоположное. Все — от мала до велика — знали, что власть на каждом шагу нагло лжет, выдает желаемое за действительное, сама не верит в то, что провозглашает и в чем клянется. В царившей тогда в стране извращенной атмосфере не могло не нарастать стремление людей не просто к переменам, а к сбрасыванию в мусорную яму

¹ См. Черняев А. Был ли у России шанс? Он — последний. М., 2003.

истории всего того, что связывалось в сознании наших граждан с лживым и фарисействующим режимом. Именно здесь надо искать корни того массового озлобления людей, которое после неудач перестройки в конечном итоге привело к катастрофе 1991 года...

В те времена печать и телевидение создавали искусственный (или, как сейчас сказали бы, виртуальный) мир, не имевший ничего общего с реальной жизнью страны, и служили выхолащиванию любой свободной, самостоятельной мысли и вообще всего, что выходило за рамки убогих представлений чиновничества.

Это был настоящий крах страны — моральный, политический, идейный, экономический. И в то же время, как верно замечают социологи, необходимо признать и другое: «Да, было мирное изживание жизни, была геронтократическая закупорка в партийно-государственных кадрах, были преследования и высылки немногочисленных диссидентов при полном равнодушии к ним советской “общественности”... Но это же время отмечено великими научными достижениями, духовной активностью “детей XX съезда”, шестидесятников, которые создавали в 1960—1970-е годы замечательную литературу и тончайший психологический кинематограф... В это время летали в космос,

Журнал, в который я пришел работать, в силу своего положения главного теоретического и политического издания ЦК партии не мог не отражать всего того, что утвердилось тогда в стране, всех присущих советскому обществу противоречий.

стали добывать большую сибирскую нефть и газ, строили жилье и целые города, прокладывали БАМ, обеспечивали свое влияние в мире. Инвестировали в инфраструктуру, была какая-никакая модернизация производства, и мы до сих пор

эксплуатируем оборудование, установленное в конце 1980-х... Но, конечно, идеологи того порядка упустили момент, когда начавшийся застой перешел в стагнацию и завершился стремительным развалом государства»².

А пропаганда между тем на глазах у миллионов продолжала нагло врать с телеэкранов, славословить надуманные заслуги генсека. Только в атмосфере брежневского правления могло начаться не прекратившееся и по сию пору разложение государственного аппарата, органов внутренних дел, вооруженных сил, повсеместное распространение коррупции, взлет преступности, нарастающее сращивание чиновничества и криминала. Не приходится удивляться, что в такой атмосфере появились и достигли чудовищных масштабов все последующие уродливые явления, до слез знакомые нам по событиям конца 1980-х — 1990-х годов.

² Литературная газета. 2004. № 8.

Журнал, в который я пришел работать, в силу своего положения главного теоретического и политического издания ЦК партии, не мог не отражать всего того, что утвердилось тогда в стране, всех присущих советскому обществу противоречий. Конечно, особое положение позволяло ему отбирать для работы наиболее подготовленные, высококвалифицированные кадры, приглашать к выступлению на своих страницах авторов любого ранга. Отказ от предложения опубликоваться в «Коммунисте» был тогда делом совершенно немислимым, шла ли речь о членах ЦК, министрах, академиках или писателях. Как и всякий журнал, он вообще был богат в первую очередь своим авторским составом. Сотрудники сравнительно редко имели возможность помещать в нем свои материалы.

Главная задача редактора — согласовав все вопросы с руководством, приглашать наиболее интересных, компетентных авторов, договариваться о теме статьи, править ее, проверяя и вычитывая тексты на всех стадиях редподготовки. В те времена она включала в себя литературную правку полученного текста, обсуждение его на редколлегии, внесение поправок с учетом высказанных там замечаний, вычитывание верстки, сверки, чистых листов. В наши дни, с бурным развитием техники, все это, разумеется, изменилось, предельно упростилось. Большую роль в тогдашней работе журнала играла служба корректуры и проверки. В ней было занято более десятка сотрудников. Автор и редактор обязаны были представить аргументированные источники или ссылки на них, подтверждающие абсолютно все факты, цифры, цитаты, приводимые в статье. Опубликованный в «Коммунисте» материал фактически приравнивался к официальному документу или статье из Энциклопедии. Никакого искажения фактов, каких бы то ни было данных, имен и фамилий не могло быть, что называется, по определению. Вся ответственность за это лежала на редакторе и службе проверки. Если после выхода номера в свет обнаруживалась какая-либо ошибка, это расценивалось как ЧП и строго наказывалось. Это резко отличает тогдашнее положение дел от сегодняшнего, когда многие СМИ грешат чудовищными ошибками, искажениями, массой недостоверных, никем не проверенных утверждений. И, как правило, никто за это не несет ни малейшей ответственности.

Несмотря на привлечение талантливых, высокообразованных, в высшей степени компетентных в своем деле авторов, тщательнейшее редактирование представленных ими статей, материалы журнала порой вызывали интерес лишь у довольно узкого числа читателей, в основном специалистов в определенной области. Другое дело, что сама по себе публикация в «Коммунисте» считалась большой честью, доказательством политической лояльности, особо ценилась диссертационными советами, ВАК, открывала перспективы новых публикаций в других органах печати, издания книг и т. п. Да и оплачивалась она чуть выше, чем в других журналах. А тираж во многом обеспечивался за счет разнарядки обязательной подписки на партийные издания, средства от которой поступали в бюджет КПСС.

Колоссальный урон имиджу журнала наносили публиковавшиеся в обязательном порядке практически все решения и постановления ЦК, выступления и разного рода приветствия генсека. Это было тем более

глупым и расточительным делом, что одновременно те же самые документы помещались в центральной периодической печати, а также во всех остальных партийных журналах. Все понимали бессмысленность таких публикаций, забиравших немалую площадь журнала. Но в царившей тогда обстановке никто не решался, естественно, протестовать против этого.

На завершающем этапе «брежневского безвластия» лживость режима достигла, по выражению того же Черныяева, «гомерических размеров». В экономике уже всюду царили застой и развал, финансовое положение находилось на грани краха, повсюду и во всем ощущался дефицит, люди по всей стране часами простаивали в очередях за самым необходимым. А печать, радио и телевидение бодро рапортовали о фиктивных успехах, в Кремле продолжали награждать друг друга неизвестно за какие заслуги. «Апогеем маразма» (другого слова не придумаешь!) стал ввод советских войск в Афганистан. Решение о нем было принято узким составом Политбюро, без всякого обсуждения кратко- и долгосрочных последствий этой авантюры, явно спровоцированной Вашингтоном в расчете, что мы надолго увязнем во «втором Вьетнаме» и в конечном итоге рухнем, не выдержав напряжения сил. Афганская война, информация о действительном ходе которой и наших потерях тщательно скрывалась пропагандой, поставила крест на попытках ликвидировать хаос в экономике и камня на камне не оставила от остатков былого авторитета Советского Союза на международной арене.

В ноябре 1982-го завершилось утомившее всех 18-летнее правление Брежнева. После его смерти к власти пришел Ю. Андропов, были предприняты попытки поиска новых путей. И сразу даже далекие от политики люди почувствовали, что наступает новое время, страна начинает переход на другой виток спирали исторического развития. Впервые за долгие годы возникла перспектива реального решения назревших перемен. Особые надежды у тех, кто понимал, что происходит, были связаны с публикацией в «Коммунисте» стратегической по своему значению статьи, которую по заданию Андропова и под его руководством в конце года готовила в Москве большая группа разных по своим идейным воззрениям ученых-обществоведов.

Одним из них был Л. Степанов, руководитель группы консультантов журнала «Проблемы мира и социализма», в составе которой трудился и я. Статью эту, кстати говоря, первоначально предполагали опубликовать в «ПМС», но потом изменили решение и поместили в «Коммунисте». Степанов рассказывал, что основная задача, которую Андропов поставил при подготовке статьи, заключалась в следующем: мы должны тщательно продумать, как провести в стране нэп без нэпманов. Это было сказано совершенно определенно. Правда, никто так и не понял, как это можно осуществить. Одновременно Андропов впервые выдвинул и еще одну исключительно важную задачу: познать общество, в котором мы живем.

Приход к власти Андропова, появившиеся надежды на начало перемен в стране заставили меня поторопиться с возвращением на Родину. В «ПМС» можно было спокойно трудиться годами, что и делали многие мои коллеги.

Но теперь гораздо интереснее становилось то, что происходило и готовилось в Москве. В мае 1983 года меня пригласили на работу в отдел истории «Коммуниста». Я с радостью принял это приглашение.

* * *

В свое время об опасениях Ленина в отношении будущего страны, где верх может одержать такая личность, как Сталин, были написаны горы книг. Эти опасения оправдались, страна была обречена на долгие годы тяжелых испытаний. Чего же опасался, какие грядущие беды предвидел Андропов, ставший наследником одряхлевшей системы, как он намеревался действовать, какие цели ставил? Эти вопросы задавало в конце 1982 года множество людей в нашей стране и далеко за ее пределами.

Сам Андропов не оставил никаких документов, раскрывающих его видение стоявших перед СССР проблем и путей их решения. Поэтому приходится довольствоваться свидетельствами близких к нему людей. Одно из таких свидетельств — воспоминания его сына Игоря. «Андропов, — рассказывал он в одном интервью, — в целом соглашался, что партия утрачивала свой идеологический потенциал, а марксизм необратимо терял творческое начало, превращаясь в выхолощенную схему, которая все менее отвечала реалиям эпохи... Каждое новое поколение относилось к научному коммунизму все более начетнически. Сталин ведь не только физически уничтожил и разгромил грамотные, творчески мыслящие марксистские кадры. Как выражался мой отец, Сталин загнал марксистскую теорию, как речку Неглинку, в бетонные трубы, создав две очень вредные книги: “Вопросы ленинизма” и “Краткий курс истории ВКП(б)”. Книги эти напрочь отучили рядовых членов партии от самостоятельного постижения марксистских источников»³.

Очевидно, Андропов опасался, что утрата не только рядовыми членами партии, но и руководством страны способности к самостоятельному мышлению, к творческому постижению и развитию марксистской теории создаст трудно преодолимое препятствие на пути возвращения к действительным, досталинским истокам социализма. А это в свою очередь может помешать преодолению пережитков сталинизма, проведению глубоких общественных преобразований, возрождению страны на подлинно социалистических началах. Поэтому он и начал с осторожных призывов к познанию окружающей действительности, изучению того общества, которое возникло в результате полувековых экспериментов над нашим народом. И только после тщательного изучения доставшегося наследия, определения во всех деталях путей и последствий намечаемых реформ, их социальной цены он, очевидно, намеревался приступить к осуществлению назревших перемен.

В другом интервью, которое дал тому же изданию бывший помощник Андропова А. Вольский, отмечалось, что «проницательный прагматик, Андропов, судя по всему, шел бы к реформации медленно, обдуманно, взвешивая риск каждого шага. Недуги, которые стали лечить хирургически, тупой

³ Фигуры и лица: приложение к Независимой газете. 26.06.1999.

пилой, руками алчных эскулапов “демократии”, Андропов пытался бы излечить терапевтически. Возможно, мы пришли бы к тому же, но спокойнее и заплатив меньшую цену за счет народа»⁴.

В упомянутой выше статье, опубликованной в «Коммунисте» по случаю дня рождения К. Маркса в самом начале 1983 года, Андропов писал: «Нам надо разобраться, в какой стране мы живем». Если внимательно вчитаться в текст этой статьи, получается очень интересная картина. Ведь автор утверждал в ней ни больше ни меньше, что советские люди, включая партийное руководство и идеологические кадры, толком не знают, в каком обществе они живут. Мало того, не знают, что вообще вкладывается в понятие «социализм». Что наш трудный исторический опыт убеждает в необычайной сложности таких встающих на пути общественного развития проблем, как уровень жизни трудящихся, характер распределительных отношений, экономическая и социальная политика, вопросы общественного самоуправления, всемерного развития демократии. Выступая вскоре во Дворце съездов, он развил эти мысли: «Нам надо очень серьезно проанализировать ситуацию в СССР и понять, как можем из нее выйти». Вот это было главным в его подходе: не спешить, не рубить с плеча, а разобраться в сложившейся ситуации, всесторонне проанализировать возможные варианты перемен, взвесить все их вероятные последствия и лишь потом действовать. Это качества настоящего политика, а не политикана-временщика. И в этом состоит разительное отличие Андропова от его слабой, беспомощной тени — Горбачева...

Можно с доверием относиться к свидетельству близкого к Андропову человека, уже цитировавшегося А. Вольского. По его словам, «у Андропова было свое понимание коммунизма. Он полностью соглашался с известным высказыванием Дэн Сяопина: “Не важно, какого цвета кошка, лишь бы ловила мышей”... Если бы Андропов остался жив, то были бы большие экономические преобразования по китайскому сценарию. Другое дело, что они шли бы не такими быстрыми темпами и с меньшим количеством глупостей, чем при Горбачеве и Ельцине. Андропов хотел провести коренную реформу госустройства СССР. Мечтал о межрегиональных рынках. О том, чтобы экономические отношения не были связаны с политикой и разделением по национальному признаку»⁵.

Рассказывая о полученных от Андропова конкретных поручениях подготовить материалы о концессиях и совместных предприятиях, тогдашний глава Экономического отдела ЦК партии Н. Рыжков тоже подтверждает, насколько далек был Юрий Владимирович от догматизма и сталинизма: «Андропов думал о реформировании экономики, я абсолютно в этом убежден... Была создана команда, и мы начали работать. Выслушали огромное количество ученых... Мы сидели с ними вечерами и ночами, проводили совещания, устроили такой свободный конвейер идей и мнений, проводили совещания, обсуждали, что хорошо, что плохо, приглашали директоров заводов... Когда более-менее определились, и выстроилось, что надо делать,

⁴ Фигуры и лица: приложение к Независимой газете. 2000. Декабрь.

⁵ Московский комсомолец. 19.11.2002.

мы пришли со своими предложениями к Андропову. Он, как мудрый человек, посоветовал сразу все не ломать, а подготовить решение Политбюро о проведении широкомасштабного экономического эксперимента на базе наших предложений. И начался эксперимент в пяти министерствах, пяти отраслях. Потом он сказал: “Ладно, анализ состояния дел вы подготовили, но надо же показать, куда мы все-таки идем... Что будет лет через пять с экономикой?” И мы составили концепцию социально-экономического развития страны... Были достаточно смелые предложения. Утверждали эту концепцию уже при Черненко, при этом из нее пришлось выкинуть самое главное...»⁶

Вопреки утвердившимся в нашем сознании мифам, сформированным либеральной пропагандой, Андропов, судя по многим свидетельствам, не был причастен к окончательной выработке политических решений. В последние годы жизни больного Брежнева это являлось прерогативой «всесильного трио» — М. Суслова, А. Громько и Д. Устинова. Ситуация изменилась лишь со смертью в январе 1982 года «серого кардинала» Суслова. Хорошо осведомленный о кремлевских тайнах и расстановке сил в высших эшелонах власти академик В. Афанасьев, главный редактор журнала «Коммунист» (1974—1975), писал: «Андропов, в отличие от других, по ряду важных вопросов имел собственное мнение, держался от “трио” на весьма заметной дистанции. Он был против введения советских войск в Афганистан. Он ворошил муравейник краснодарской и сочинской мафии, “медуновщины” (по имени тогдашнего первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС Медунова), подбирался к узбекской мафии. Попортил нервы и кое-кому из московских заправил. Вывел на “чистую воду” генерала армии Щелокова — министра внутренних дел бывшего Союза. Посадил за решетку его первого заместителя генерал-полковника Чурбанова. Первый — друг Брежнева, второй — его зять»⁷.

Как генсека, замечает далее В. Афанасьев, Андропова особенно беспокоили неурядицы в экономике, упадок трудовой дисциплины, коррупция, которая, как он сам публично заявлял, зацепила и часть правящей верхушки. Тревожило его состояние национальных отношений, о которых он, бывший шеф КГБ, знал куда больше, чем кто-либо другой. Близких к Андропову людей всегда подкупало то, что он — в отличие от своего предшественника — терпеть не мог подхалимов и угодников. Мудрость, порядочность, осторожность, здравомыслие — таковы, по словам В. Афанасьева, присущие ему высокие человеческие качества. «При этом генсеке укрепилась трудовая дисциплина, существовало уважение к закону, коллективу, государству. Без помпезности, громких речей и пышных заграничных вояжей генсек делал благое дело — наводил порядок в огромной державе. Андропов — человек, вселивший в умы и сердца людей надежду на лучшие времена. И кто знает, проживи он еще пять лет, может быть, страна была бы сейчас великой, единой, могучей»⁸.

⁶ Там же.

⁷ Афанасьев В. Четвертая власть и четыре генсека. М., 1994. С. 32.

⁸ Там же. С. 52.

Вместе с тем нет никаких оснований рассматривать Андропова как безгрешного, безошибочного политика. Преследования инакомыслящих, высылки за границу и лишение советского гражданства тех, кто осмелился мыслить и высказываться вразрез с официальной линией, создание «спецпсихушек» — все это характерные черты периода пребывания Андропова в КГБ, и вычеркнуть их из истории никому не под силу. Понятно, что он проводил не столько свою собственную политику, сколько курс, утвержденный брежневским Политбюро. Но забыть это тоже невозможно.

Неверно полагать, что Андропов как наиболее информированный человек в стране обладал и некоей способностью видеть «насквозь» каждого сколько-нибудь крупного деятеля в стране. Если бы это было так, он вовремя разглядел бы подлинное обличье Горбачева и, думается, не подпустил бы его к рычагам верховной власти. По словам ветерана-разведчика и дипломата Г. Корниенко, «Андропов допускал большие ошибки в оценках людей. Даже в своем аппарате он выдвигал вовсе не тех, кто того заслуживал. Крючкова, который ни одного дня не служил в поле, был всегда помощником, он сделал начальником разведки... Я знаю десятки примеров, когда Андропова обманывали его собственные работники. Поэтому удивляться, что он не разглядел Горбачева, не приходится»⁹.

С первого дня активно включившись в работу редакции, я сразу почувствовал, как быстро меняется атмосфера в журнале. Более деловыми, конкретными, острыми становились публикуемые статьи. Наконец-то, после долгого перерыва авторы, хоть и с трудом, со скрипом, но начали понемногу избегать привычных, набивших оскомину пропагандистских штампов и ликований по поводу мнимых «достижений», всерьез поднимать вопросы, которые замалчивались все предыдущие годы, смелее говорить о необходимости назревших перемен в различных сферах общественной жизни. Конечно, оставалась масса тем, закрытых для освещения. Но все же появилась возможность более свободно обсуждать такие раздражавшие народ проблемы, как коррупция или дефицит товаров.

Вообще, работать в то время стало намного интереснее. А главное — у всех у нас впервые появилась тогда вполне реальная надежда на то, что ситуация в стране в скором будущем претерпит существенные изменения, что произойдет поворот к лучшему, а брежневское наследие навсегда останется в прошлом.

...Ни одной из серьезных задумок Андропова, увы, не суждено было осуществиться. Он слишком рано ушел из жизни. Пришедший ему на смену К. Черненко — вернее было бы сказать, окружавшие его аппаратчики из старой брежневской команды, поскольку сам он в последний год жизни был почти недееспособен, — предпринял последнюю попытку исключить самую возможность каких-либо перемен в стране. Все инициативы Андропова были довольно быстро свернуты, в обществе воцарилась прежняя затхлая атмосфера.

⁹ Коммерсант Власть. 14.05.2005.

«За время пребывания Черненко на посту генсека, — писал уже цитированный В. Афанасьев, — я не помню, чтобы он принял какое-нибудь крупное, затрагивающее коренные интересы страны решение... Ставленник Брежнева (вместе работали в Молдавии), он стал верным продолжателем “застойных” дел. А что было ждать — типичный партаппаратчик, не прошедший суровой школы жизни, плохо знавший экономику, не говоря уже о науке, технике, культуре... Несколько лет Черненко был главным канцеляристом партии — заведующим Общим отделом ЦК КПСС... Последние месяцы жизни он просто пребывал в прострации и начисто отрешен от земных дел. Но возле него, от его имени действовала умная, до предела энергичная, настырная команда помощников и советников: Прибытков, Печенев, Лаптев и другие. Они делали все что хотели. Пользуясь болезнью шефа, они вершили головокружительные карьеры, подозреваю, что рвались в кресла секретарей ЦК»¹⁰.

Журнал в те тринадцать месяцев, что судьба уготовила правлению К. Черненко, тоже стал больше всего напоминать годы брежневской эпохи. Опять те же славословия в адрес генсека, рапорты о трудовых свершениях, заверения, что все в стране идет в правильном, единственно верном направлении. В декабрьском номере 1984-го была опубликована странная статья за подписью Черненко «На уровень требований развитого социализма». Кроме дифирамбов в пользу «развитого социализма» и тривиальных рекомендаций по идеологической, воспитательной работе партии, в статье ничего не просматривалось. Но ажиотаж вокруг нее был поднят страшный. В огромных рецензиях, помещенных в центральной печати, она расценивалась как высочайшее достижение марксистско-ленинской мысли.

В то же время все, что выходило за рамки реанимированной догматики, редколлегией решительно отвергалось. Вот только один пример. Я заказал своему коллеге из «Правды», обладавшему острым пером, журналисту-международнику В. Большакову статью о знаменитой книге Дж. Оруэлла «1984» — ведь на дворе стоял именно 1984 год. Статья довольно убедительно показывала, что созданное фантазией автора книги тоталитарное общество ныне имеет больше всего сходства с современным Западом — прежде всего с США. А главное — в статье проводилась мысль о том, что вычеркивать из прошлого кажущиеся вождям ненужными страницы, подгонять исторические факты под сегодняшние, нередко корыстные интересы — дело не особенно сложное, но и опасное. Дж. Оруэлл ярко описал это в своем романе. Не обрекаем ли мы самих себя на то, что в будущем и с нами обойдутся таким же образом?!

На редколлегии статья подверглась разгрому и была отвергнута. О содержании никто и не говорил. Главные аргументы сводились к тому, что в Советском Союзе никто понятия не имеет об этой книге, а потому не стоит о ней и упоминать, чтобы не вызывать у людей нездорового интереса. Такой вердикт полностью соответствовал воцарившейся в стране атмосфере:

¹⁰ Афанасьев В. Четвертая власть и четыре генсека. С. 53—54.

не допускать ничего нового, не обсуждать острых проблем, меньше говорить о недостатках.

Смерть Черненко завершила то, что в народе сразу же окрестили ППП — «пятилеткой пышных похорон». Наступила весна 1985-го. Никто тогда и при самом смелом воображении не мог себе представить, что мы приближаемся к поворотному этапу в истории страны. Журнал и мы вместе с ним неожиданно для себя оказывались вовлеченными в водоворот поистине эпохальных перемен.

* * *

Отчетливо помню, какие настроения царили в тот памятный день 11 марта 1985 года, когда мы с друзьями и коллегами сидели по кабинетам «Коммуниста» и с замиранием сердца ждали сообщения радио об избрании на пленуме ЦК нового генсека. Конечно, можно было догадаться, что победа будет за М. Горбачевым: из опыта прошлого было известно, что преемником становится председатель комиссии по похоронам своего предшественника. Но до последнего момента сохранялось опасение: а вдруг консерваторы в последнее мгновение консолидируются и к власти прорвется Г. Романов или В. Гришин? Ведь тогда все в стране опять останется без перемен, как это уже было при Черненко, и продолжатся застой и загнивание советского общества. И какая у всех нас была искренняя радость, когда по радио объявили об избрании Михаила Сергеевича. Мы тогда даже обнялись с ближайшими друзьями и единомышленниками. И эту радость, вероятно, разделяли в тот момент многие люди в стране, понимавшие, что больше жить так, как мы жили, нельзя. Понадобилось потом немало времени, чтобы мы начали избавляться от иллюзий, которые умело создавал у наших соотечественников новый генсек..

На властном Олимпе страны, граждане которой десятилетиями — кто обдуманно, а кто инстинктивно — ждали, жаждали перемен, появился совсем молодой на фоне кремлевской геронтократии человек. О нем почти никто ничего не знал, но одним своим видом, способностью произносить слова не по бумажке он порождал у многих надежду на что-то лучшее. В 1978 году он стал секретарем ЦК по сельскому хозяйству, потом введен в состав Политбюро.

Горбачев оказался совершенно случайной личностью на высочайшем посту КПСС и, соответственно, Советского Союза. Трюизм, однако, заключается в том, что элемент случайности в истории играет далеко не случайную роль. Как правило, он определяет все последующее развитие. В данном случае налицо была целая цепочка случайностей: сначала смерть секретаря ЦК по сельскому хозяйству (и бывшего секретаря Ставропольского крайкома) Ф. Кулакова, на место которого и был переведен в Москву из Ставрополя его двойной преемник Горбачев.. Гибель такого весьма вполне возможного — в силу своего авторитета и порядочности — преемника Брежнева, как белорусский партийный лидер П. Машеров.. Уход из жизни или полное одряхление одного за другим многих старцев из брежневского руководства, которые могли если не претендовать на пост генсека, то оказать существенное влияние на выбор устраивавшей их кандидатуры..

Ослабление в силу разных причин позиций таких возможных кандидатов на этот пост, как секретари горкомов Москвы и Ленинграда В. Гришин и Г. Романов... Доверие, которое, если верить широко распространявшимся слухам, почему-то демонстрировал по отношению к Горбачеву Ю. Андропов... И в то же время — явная неприязнь к нему со стороны К. Черненко и многих других членов прежней брежневской команды... Отсутствие на заседании Политбюро, где решалась судьба Горбачева, таких влиятельных руководителей, как В. Щербицкий и Д. Кунаев... Наконец, выдвижение державшим нос по ветру А. Громыко кандидатуры Горбачева на пост генсека в обмен на обещание для себя почетной, представительской должности председателя Верховного Совета СССР и т. п... Все это ведь действительно случайности или, по меньшей мере частично, — хорошо организованные случайности...

Давно известно: реальное выполнение властных полномочий требует ежедневной, черновой, до кровавого пота работы во имя того, чтобы сначала досконально познать, как функционирует система, а затем удержать, улучшить эту систему, сделать ее более эффективной. Осваивать, познавать сложнейшую систему, учиться управлять ею, очевидно, показалось Горбачеву делом слишком хлопотным. Гораздо проще — объявить о начале реформ, инициировать совершенно новый процесс, о котором никто ничего не

знает и которым можно самому управлять. Это было вполне в духе давних и хорошо знакомых ему по работе в крайкоме традиций «почина» за «почином» и комсомольского

Горбачев считал, что самое главное достоинство политика — это импровизация. Что не нужно иметь систему, программу, когда приходишь к власти.

задора. К тому же лучшая, да, по существу, и большая, часть общества давно живет ожиданием перемен. Реформы — это вообще всегда хорошо, они — признак смелости, мужества, таланта.

Правда, реформы в большинстве своем оказались сырыми и непродуманными, очень скоро над ними стали откровенно потешаться и внутри страны, и за рубежом. Тем не менее с большой помпой они были провозглашены, объявлены поворотными и историческими, вокруг них была развязана шумная пропагандистская кампания.

Конечно, советское общество изначально было обречено на очень крупные преобразования. Вопрос стоял только о компетентности и политической воле реформатора, о том, какие именно задачи выдвигаются в ходе реформирования, какими силами его собираются проводить? Не поставив и четко не определив эти задачи, горбачевское руководство с самого начала обрекло процесс реформ на провал. Та важнейшая задача, которую выдвинул Андропов, — прежде чем приступать к реформам, познать общество, в котором мы живем, — была забыта, никто ее так и не решил.

В результате партия и вся страна шесть лет металась от постановки одной задачи к другой, от попыток найти решения то в одной сфере экономики, то в другой, от политики к экономике и обратно. Потеряли драгоценное время, довели народ до нехваток всего и вся и в итоге угробили страну. Система мстила за непонимание того, как она действует и как с ней следует обращаться.

И здесь, конечно, велика вина самого Горбачева. Как свидетельствует крупный советский дипломат, а позднее — заведующий Международным отделом ЦК и секретарь ЦК КПСС В. Фалин, «Горбачев считал, что самое главное достоинство политика — это импровизация. Что не нужно иметь систему, программу, когда приходишь к власти»¹¹. Емкую характеристику Горбачеву, его личности и делам дает бывший первый зам. министра иностранных дел СССР, а затем первый зам. заведующего Международным отделом ЦК партии Г. Корниенко, в годы перестройки неизменно находившийся рядом с ним: «Будучи неспособным родить никакой концепции, кроме антиалкогольной, Горбачев в то же время не признавал команды единомышленников, способной разработать стратегию реформ. Его сверхэгоцентризм вел к тому, что он отрицал необходимость иметь концепцию... На совещаниях он прямо говорил: “Бросьте вы эти концепции — решили делать, надо начинать делать, а там жизнь подскажет, что правильно”. Мог ли быть великим реформатором человек без стратегического мышления?»¹² Конечно, нет — таков может быть единственный ответ на этот риторический вопрос...

Начальная стадия демократизации, предоставление свободы слова и печати, попытки преодолеть заскорузлую систему, существование которой всячески старались продлить престарелые ортодоксы, первые (и, увы, последние в нашей стране действительно свободные) выборы 1989 года, шаги по направлению к открытому обществу, инициативы по разоружению — все это, несомненно, представляло собой достижения горбачевского правления. Вспомнить можно и немало другого. Но все это в значительной мере было оторвано от реальной, повседневной жизни десятков миллионов людей, представляло жизненный интерес в основном для сравнительно тонкого слоя интеллигенции. Подавляющее большинство народа оставалось очень далеко от всего этого.

Как-то в разгар реформ я получил от руководства редакции задание связаться с писателем Е. Носовым, заказать статью о перестройке. Позвонил ему в Курск, поговорил с ним, попросил выступить у нас. Через месяц звоню опять. «Пока думаю», — отвечает он. Еще через месяц высказывается уже более определенно: «Вот, — говорит, — смотрю в окно. Баба с ведром идет. Вот петух закукарекал. А вот ворона пролетела. О чем писать-то? Где тут перестройка?» По-моему, в этих незамысловатых словах честного, совершенно не конъюнктурного курянина — вся суть отношения простого народа к перестройке. На деле вся шумная болтовня о ней и ее благотворном воздействии на жизнь рядовых граждан не выходила за стены каби-

¹¹ Коммерсант Власть. 11.04.2005.

¹² Коммерсант Власть. 14.03.2005.

нетов кремлевских чиновников и всевозможных служак рангом пониже. А народ как жил своей жизнью, так и продолжал ею жить — только все хуже и хуже.

В отличие от Запада, где Горбачева превозносят, в памяти широких слоев нашего населения он остается не первым настоящим реформатором отработавшей свое системы, а *главным виновником* всего того негативного, что произошло за шесть «горбачевских» лет правления. Виновником появления пустых прилавков и длинных очередей, роста стоимости жизни и первых ростков классового расслоения общества, техногенных и даже природных катастроф (начиная с Чернобыля). Виновником ослабления вооруженных сил, кровавых событий в Карабахе, Тбилиси, Баку, Риге и Вильнюсе, компрометации собственной партии, брошенной им в конечном итоге на произвол судьбы, и как кульминации — развала Советского Союза.

* * *

Тогдашнее руководство журнала без особого энтузиазма восприняло намеченные новым генсеком реформы. Р. Косолапов и его первый заместитель Е. Бугаев ни в коей мере не были близки к горбачевской команде. В декабре 1985-го Косолапов, позволив мне ознакомиться с еще секретным тогда проектом новой редакции Программы КПСС, в порыве не свойственной ему откровенности с горечью сказал, что в руководстве партии одерживают верх правые силы.

Весной следующего года Политбюро сместило его, отправив на преподавательскую работу на Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Новым главредом был назначен известный своим свободолобивым нравом философ И. Фролов, с которым мне довелось работать еще в «ПМС», где одно время он был ответственным секретарем. В «Коммунисте» он пробыл недолго, до весны 1987 года, перейдя затем в помощники по идеологии к Горбачеву. Но менее чем за год успел провести громадную ротацию кадров редакции, обновив ее творческий состав больше чем наполовину. Преобразился и сам журнал, качественно иным стало его содержание. Он был полностью поставлен на службу перестройке.

Резкий, чрезвычайно требовательный к публикуемым материалам, Фролов, сравнивавший прежний «Коммунист» со стариком во фраке с цилиндром на голове и при этом в домашних тапочках, на каждом заседании редколлегии крайне нелестно отзывался о нерадивых авторах и редакторах, призывая актуализировать тематику статей, менять их стиль, выдвигать свежие идеи. Обновление, безусловно, пошло на пользу журналу. Публиковавшиеся на его страницах статьи стали более живыми, читабельными и главное — отвечавшими духу времени. В каждом номере помещались теперь острые материалы по вопросам истории советского общества, по животрепещущим экономическим и социальным проблемам.

Проводившиеся в бурном темпе перемены затронули и меня. После конфликта, возникшего между И. Фроловым и редактором отдела истории Ю. Афанасьевым, последнему пришлось покинуть журнал. Он стал ректором Историко-архивного института, на базе которого вскоре был создан РГГУ. А меня назначили вместо него редактором отдела.

Освобождение от кадрового балласта благоприятно сказалось на журнале. Работа новых сотрудников стала заметно эффективнее. Вместе с тем некоторые пришедшие на смену прежним сотрудникам люди принесли с собой веяния и идеи, грозившие значительными коррективами в политической ориентации журнала. Первым замом главного редактора стал известный экономист и публицист О. Лацис. Он в свою очередь добился назначения редактором отдела экономики завлаба с Экономического факультета МГУ Е. Гайдара. А тот немедленно окружил себя своими столь же либерально настроенными единомышленниками вроде нынешнего министра экономического развития А. Улюкаева. Это в значительной мере и определило на несколько последующих лет вектор деятельности журнала. Отдел экономики, вокруг которого группировались многие из тех, кто в будущем составил костяк радикал-реформаторов, стал своего рода лабораторией, где под маской совершенствования социализма вырабатывались контуры будущих либеральных экономических реформ в стране.

Этот вектор работы журнала, как выяснилось позднее, соответствовал эволюции взглядов и практической деятельности генсека и его ближайшего окружения. После апрельского пленума 1985 года им активно пропагандировался лозунг «ускорения» экономического развития. (Сам этот термин, кстати, придумал наш главный редактор Н. Биккенин.) В июне того же года в Киеве Горбачев заявил, что «для решения задач ускорения необходима перестройка в деятельности всех, каждого работника. Не рынок, не стихийные силы, а план должен определять основные стороны развития народного хозяйства». В январе 1986-го он заговорил уже о «коренной перестройке всех сфер жизни общества, о перестройке в мышлении, психологии, организации, стиле и методах работы. Перестройка должна охватить всех — каждое рабочее место, каждый коллектив, орган управления, партийные и государственные органы». Полгода спустя генсек призывает усилить ответственность Советов за ускорение социально-экономического развития, обеспечить научно обоснованную внутреннюю политику, включение в работу всего народа, требует раскрыть потенциал Советов, дать им возможность управлять на подведомственной территории.

Сам М. Горбачев признавал в своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» (1987), что «мы еще не смогли или не сумели понять в полном объеме всю остроту и масштабы происходящих процессов». Что верно, то верно. Действовал он наобум, не очень представляя себе, кажется, последствий собственных действий. При всей актуальности и востребованности принятых постановлений и законов нельзя было не видеть той торопливости, с которой они готовились, что, естественно, привело к далеко не адекватному учету многих процессов общественного развития и реального положения дел в стране. Поспешность присутствовала в антиалкогольных мероприятиях, в законах о государственном предприятии, законе о кооперативах, законе о качестве и других, которые еще до своего выхода в свет нуждались в совершенствовании. Сказалась старая привычка действовать исключительно политическими, силовыми приемами, свойственными всему предшествующему периоду советской истории.

О том, до какой степени не просчитывались ни ближайшие, ни отдаленные последствия принимаемых в спешке решений о реформах, свидетельствуют хаотичные мероприятия 1986—1987 годов, не только вызвавшие развал и хаос в экономике, но и объективно содействовавшие криминализации общества и ускоренному превращению партийно-хозяйственной номенклатуры в новый класс собственников. Анализируя последствия этих законов, российский историк А. Фурсов отмечал, что «номенклатура (главным образом среднего уровня), вобрав в себя частично криминалитет, частично — иностранный капитал, превратилась в класс собственников. История словно вернулась в эпоху 1861—1917 гг.»¹³

Начавшиеся между тем политические реорганизации стали все сильнее отвлекать внимание людей от экономических реформ. Непоследовательность действий, нарастающая нестабильность общей ситуации, все более отчетливо проявлявшийся упадок экономики, отсутствие подготовленной правовой и хозяйственной базы — все это вело к разрыву устоявшихся десятилетиями горизонтальных и вертикальных связей, обрушению государственных и экономических структур. Экономика все больше становилась настоящей заложницей неопределенной, туманной политики. В результате ухудшалось финансовое положение, росла денежная масса, товарные ресурсы все больше отставали от этого роста, увеличивалась эмиссия, падали темпы экономического роста. А это оказывалось самой благоприятной средой для нарастания недовольства масс, формирования в республиках Союза националистических настроений, обострения межнациональных конфликтов, усиления среди правящих элит сепаратистских тенденций.

Горбачев убаюкивал всех непрерывной демагогией о том, что все намеченные преобразования нужно осуществлять только в рамках социализма. Но под пропагандистскую псевдосоциалистическую шумиху фактически вел дело к постепенному отходу от социализма, убирал из партийного аппарата сначала своих противников, потом бывших союзников, постепенно окружая себя в основном радикально настроенными ставленниками А. Яковлева и шаг за шагом предавая всех тех, с кем начал перестройку весной 1985-го. С сентября 1986 года фактически зазвучал призыв «бить по штабам» — партийным, хозяйственным, советским органам, которые, мол, «не поняли перестройки», «дискредитируют ее». Отправным пунктом окончательного отхода от ленинских принципов обновления социализма стал, по мнению ряда исследователей, январский пленум 1987 года — хотя формально он и провозглашал ленинские принципы кадровой политики, лозунги демократизации и гласности, укрепления роли Советов и т. д.

Как отмечал в своих воспоминаниях член Политбюро ЦК В. Воротников, «стремление развить успехи, а они действительно были и в 1985, и в 1986, и даже в 1987 годах, желание быстрее “пробежать” переходный этап перестройки, “оправдать надежды народа” — вот эти стремления брали верх над экономической наукой и опытом. Именно они потом поставили политику

¹³ Политический журнал. 16.05.2005.

вперед экономики. И локомотивом такого “пробега” выступал именно Генеральный секретарь ЦК. Он очень торопился... И лишь после его высказываний в 1992 году стало ясно, куда он торопился. Он с самого начала задумал радикально изменить не только экономику, но и общественно-политический строй. Однако в то время нам, его коллегам, еще казалось, что слова “демократия и социализм” неразделимы. И мы верили ему... Демократия и гласность вышли из-под контроля. Они уже не столько стимулировали, сколько возбуждали общественное мнение, направляя его активность на противостояние правительству, КПСС... Действия прессы, зачастую носившие поверхностный, недостаточно объективный характер, основанные на полуправде, домыслах, лишь дезориентировали общественное мнение»¹⁴.

А. Яковлев, ставший к тому времени «серым кардиналом» перестройки и поставщиком кадров в ближайшее окружение Горбачева и на ключевые посты в партийном аппарате и СМИ, позднее, в 1992 году, признавал, что даже он сам не предполагал такой разрушительной силы гласности. Во второй половине 1987 года прозападно настроенные «демократы», продолжая возбуждать и дезориентировать людей, стали уже совершенно открыто провоцировать массовые антиправительственные выступления. А Горбачев в своих многочисленных и продолжительных речах, начинавших уже вызывать у людей аллергию, все чаще переходил от лозунгов «обновления социализма» к туманным призывам «нового видения идеологического обеспечения перестройки», старался уйти от серьезного анализа все более усложнявшихся общественных проблем, «заговорить» их пустопорожными, «обтекаемыми» фразами.

Непосредственно наблюдавшие за кульбитами Горбачева партийные руководители того времени единодушно указывают: он упорно не желал замечать, что, разгромив в промышленности, сельском хозяйстве, общественной жизни хоть и консервативную, но все же более-менее исправно функционировавшую систему, тем самым породил разброд, неразбериху, полную неуверенность и в самом народном хозяйстве, и в массе занятых в нем людей. При этом Михаил Сергеевич категорически отказывался прислушиваться к тем в своем окружении и в регионах, кто убеждал его: ни в коем случае нельзя ломать все сразу, нужно различать этапы преобразований и следовать от одного к другому, реформировать комплексно, меняя не только структуру, но и экономические отношения.

В 1988 году Горбачев, как показали дальнейшие события, окончательно встал на путь переориентации перестройки. Упор отныне делался почти исключительно на политические преобразования, реформы государственных структур. Социалистические лозунги быстро исчезали, подменялись расплывчатыми категориями «нового мышления» во внутренней и внешней политике. Стала все более явственно обозначаться угроза провала всего перестроечного процесса, краха надежд народа на улучшение условий своей жизни.

На определенном этапе перестройки отстранили от активной работы партию. Лишили власти Советы, спонтанно создавая и упраздняя различные

¹⁴ Воротников В. И. А было это так... М., 1995. С. 165–167.

государственные структуры: Президентский совет, Совет Федерации, Совет безопасности. Заумными хлесткими лозунгами была умышленно запутана, завуалирована подлинная идеологическая концепция перестройки — смена социалистического строя.

* * *

Журнал все это время занимался тем, чем и призван был заниматься — осмыслением советского прошлого и научной, теоретической разработкой тех новых социально-экономических и политических проблем, которые порождал курс партии на постоянное «углубление перестройки». Сменивший И. Фролова весной 1987 года на посту главного редактора опытный партийный работник, ученый-философ Н. Биккенин привнес в работу коллектива спокойный, творческий дух. Как мог, он старался сдерживать все сильнее навязывавшиеся журналу либеральные концепции О. Лациса и Е. Гайдара. Но делать это становилось все сложнее, учитывая их возрастающую поддержку со стороны курировавшего работу СМИ А. Яковлева.

Большую роль в поддержании высокой научной планки журнала сыграл в те годы замечательный литературный критик и блестящий публицист, энциклопедически образованный И. Дедков. По окончании журфака МГУ в хрущевские времена за независимые взгляды он был сослан в Кострому, где прожил около трех десятков лет, пока Биккенин через Горбачева не добился его переезда в Москву и зачисления в «Коммунист».

В целом в редакции царил здоровая, творческая атмосфера. Мы не использовали нежданно-негаданно свалившуюся на нас свободу в конъюнктурных целях, не занимались грубыми и чаще всего примитивными «разоблачениями» советской действительности и коммунистической идеологии. При этом активно, буквально в каждом номере занимались тем, что тогда именовалось «стиранием белых пятен истории» — восстановлением десятилетиями искажавшейся исторической истины, возвращением забытых, оклеветанных имен. Делалось это на основе переосмысления прежде находившихся под запретом документов ушедших эпох, перепечатки материалов, долгое время томившихся в спецхранах. Большой заслугой журнала следует признать то, что даже во времена разгула антикоммунистической истерии, несмотря на нажим либералов, редакция не встала на путь охаивания революционного прошлого, истории Великой Отечественной войны.

«Перестроечный “Коммунист”, — вспоминал впоследствии Н. Биккенин, — смог завоевать популярность в интеллигентской среде, хотя, разумеется, не в такой степени, как “Московские новости” и “Огонек”, ибо отличался от них. Отличался по ряду принципиальных позиций: оценки Ленина и Октябрьской революции, советского периода отечественной истории. Ельциным не восхищался (но и не травил его), отставки Горбачева не требовал. Марк Захаров писал тогда мне: “Раньше я выписывал журнал “Коммунист”, но никогда не читал. Теперь не выписываю, но покупаю и читаю”. На страницах журнала появились авторы, которые прежде в нем не печатались»¹⁵.

¹⁵ Биккенин Н. Как это было на самом деле. Сцены общественной и частной жизни. М., 2003. С. 19–20.

Если составить список авторов «Коммуниста»/«Свободной Мысли» за последние два десятилетия, то он будет включать имена огромного числа светлых умов страны, причем принадлежащих к самым различным научным школам и политическим направлениям. Исключение составляли только радикалы слева и справа. Думаю, настанет день, когда подшивки номеров журнала будут рассматриваться и изучаться как настоящая энциклопедия советской и российской общественной жизни на рубеже тысячелетий. Ведь он был в те сложнейшие годы не только своего рода интеллектуальным центром, где коллективными усилиями вырабатывались новые подходы и оценки отечественного прошлого, советской и мировой экономической, социальной и политической действительности. Журнал был еще и своеобразным теоретическим «локомотивом», подтягивавшим за собой «поезд» советских общественных наук, публицистики, средств массовой информации.

Действительно, как только что-то новое, в той или иной мере бросавшее вызов устоявшимся догмам, появлялось на страницах «Коммуниста», мыслящим людям в стране становилось понятным: значит, снято табу с еще одной темы, и ее можно разрабатывать дальше, не опасаясь окрика из ЦК КПСС или иных последствий. Именно под влиянием и непосредственным воздействием «Коммуниста» постепенно осмелели и другие органы печати. Со временем, правда, многие из них преодолели всякие страхи не только перед цензурными ограничителями, но и перед требованиями нравственного характера, перед ответственностью за фальсификации и откровенное вранье, явно перепутав свободу с вседозволенностью.

Позиция журнала, серьезное, ответственное отношение его авторов к обсуждаемым в обществе проблемам явно импонировали запросам и интересам читателей. Тираж «Коммуниста» в те годы достиг исторического максимума — более миллиона экземпляров. На нас обрушился колоссальный поток писем читателей. А поскольку мы были обязаны давать исчерпывающий ответ на каждое письмо, это стало занимать у сотрудников всех отделов огромную часть рабочего времени. Но честно отвечать на острейшие вопросы читателей, касавшиеся хода перестройки и складывавшейся в стране ситуации, порой становилось нелегко...

* * *

В течение 1990 года и особенно отчетливо летом 1991-го экономическую и политическую систему охватывал настоящий коллапс. Всюду ощущались развал, всеобщее разочарование, казалось, никто уже ни во что и никому не верил и главное — не ждал впереди ничего хорошего. Массы людей испытывали материальные трудности. В республиках набирали силу центробежные тенденции. Налицо был полный раскол общества.

Из логики действий Горбачева не вытекало ничего определенного. Хотя обновленческая линия, переориентация в сторону социал-демократизации КПСС вроде бы возобладала с опубликованием проекта новой партийной платформы, подготовленной, кстати говоря, в редакции журнала «Коммунист» и отредактированной советником генсека Г. Шахназаровым. Эта линия давала какой-то шанс, на что-то настраивала. Затеплилась слабая надежда на возможность выхода из кризиса. На то, что все-таки удастся довести до конца решения о политических реформах, что еще чуть-чуть — и начнется хоть и запоздалое, но жизненно необходимое обновление партии.

Кое у кого сохранялась иллюзия, что под давлением обстоятельств Горбачев перестанет забалтывать экономическую политику, а предпримет что-то разумное, давным-давно назревшее и способное отодвинуть надвигающуюся катастрофу. К сожалению, сам генсек подавал и партии, и большей части народа, противостоявшей натиску либералов, совершенно невразумительные сигналы. В конечном счете все это завершилось его окончательным предательством партии и полным уходом от нее в самый трудный момент.

Мемуаристы отмечают: он был совершенно равнодушен к тем, кто его окружает и не за страх, а за совесть трудится на него. Он держал их за дворовых слуг. Легко перешагивал через прошлые связи, через своих прежних товарищей, никого из них никогда не поддерживая и не защитив в трудную минуту. Не проявляя уважения и заботы о самых близких соратниках и сотрудниках, он был чрезвычайно угодлив и внимателен к своим оппонентам и откровенным противникам; стараясь заслужить их симпатию и расположить к себе, порой готов был на самые неожиданные уступки, компромиссы и даже унижения.

Беспрецедентный случай: в ближайшем окружении Горбачева, за исключением небольшого числа сотрудников его фонда («двора вдовствующей королевы», как его именуют острословы), не оказалось почти никого, кто бы не отшатнулся от него — вице-президент, премьер-министр, министры обороны и внутренних дел, начальник аппарата. Чем можно объяснить это? Видимо, только одним: их измене предшествовало то, что он сам последовательно обижал, отталкивал и предавал других. Начал с того, что не поддерживал и ни разу не защитил от нападков армию и органы госбезопасности. Потом оттолкнул от себя интеллигенцию, которая поначалу так поверила и так тянулась к нему. А закончилось тем, что оттолкнул и бросил на произвол судьбы массы населения — рабочих, крестьян, пенсионеров.

Отдельно следует сказать о возглавлявшейся им партии. Один показательный пример: на выборах генсека ЦК XXVIII партсъездом (1990) из 4683 делегатов против Горбачева проголосовало 1116 человек. Горбачев был тогда отправлен в политический нокаут только потому, что людям надоели его пустословие, суетливость и непоследовательность. Они ясно дали понять, что ждут от него хоть какой-то определенности, четкости мысли и действий. Но Михаил Сергеевич, очевидно, с той поры затаил обиду на всю партию, так никогда и не поняв, что она была его единственной базой, а без нее он представлял собой абсолютный ноль. С самого начала именно партия была его опорой, поддавшись несомненному обаянию и артистическому дару Горбачева, его демагогии и напускному демократизму. Он, кажется, так и не оценил доставшегося ему несметного богатства — мощной, прекрасно организованной партии, которая была каркасом, «державшим» единое государство, обеспечивавшим дисциплину и сплачивавшим людей в масштабах всей страны. Не смог воспользоваться особенностью этой партии, сохранившейся со сталинских времен: даже сомневаясь и возмущаясь деятельностью Горбачева, партийные организации и комитеты продолжали оставаться послушными воле ЦК, Политбюро и лично лидера партии; миллионы рядовых коммунистов до последнего часа сохраняли преданность ему, ожидая только прямого обращения к себе своего руководителя. Объяс-

нялось это довольно просто: прерогативы и официальный авторитет генсека всегда рассматривались как последний редут советского строя, а потому на его волю очень долго никто посягать не смел и просто не мог. Будь Горбачев решительнее, мужественнее, просто чуть умнее и дальновиднее, он вполне мог не потерять ни партию, ни страну, ни собственную власть. Но и здесь он проявил свою несостоятельность как руководитель, предпочтя сложить с себя в самый трудный момент обязанности генсека, а не бороться за выживание и действительное обновление когда-то возвысившей его партии. Редчайший в мировой истории случай политического самоубийства. Самоубийства не по расчету, а по собственной непростительной глупости.

Партийно-государственный аппарат, не понимавший и инстинктивно опасавшийся курса Горбачева, был окончательно сбит с толку его бесконечными шараханьями и импровизациями, а затем и вовсе деморализован. Повсеместно ощущалась слабость власти, оказавшейся в состоянии конфронтации с неведомой откуда взявшейся оппозицией, а также с лидерами вдруг поднявших голову националистических движений в республиках. Единственным, по сути дела, результатом неверно начатых и лишенных стратегии перестроечных реформ стало расшатывание всех устоев власти в стране. Очень точное, на мой взгляд, определение перестройки дал российский историк и политолог Г. Мирский: «Она была благородной по замыслу, смутной по концепции и бездарной по исполнению». Опереточный «путч» и крах режима в августе 1991 года можно поэтому считать вполне закономерным итогом шести лет правления Горбачева.

Сейчас для многих совершенно очевидно, что проявленные Горбачевым в Форосе в канун «путча» обычные для него неспособность или нежелание четко и ясно выражать свои мысли и планы, закрытость и интриганство сыграли с ним злую шутку, погубив всю его карьеру, а заодно и разрушив руководимое им государство. Двусмысленности, недоговоренности (а кто знает — может быть, и сознательное провоцирование) и привели к катастрофическому исходу. Зная обо всех предшествовавших форосскому разговору подготовительных мероприятиях, а также об особенностях характера Горбачева, его соратники могли просто неверно истолковать его витиеватые изъяснения и туманные намеки. Автор фундаментального исследования послевоенного периода нашей истории Р. Пихоя пишет в связи с этим: «Подготовка к возможности введения чрезвычайного положения осуществлялась в марте 1991 г., накануне III Съезда народных депутатов СССР. После провала этой попытки в апреле Совет безопасности вновь вернулся к разработке документов о чрезвычайном положении. Работа велась, что называется, впрок. Горбачев сам нередко говорил о необходимости “чрезвычайных мер”»¹⁶. Так чего же удивляться, что будущие гэкачеписты приехали к нему с документами, предусматривавшими именно такой набор мер. Но и здесь Михаил Сергеевич, очевидно, решил на всякий случай напустить туману, рассчитывая вновь перехитрить всех, чтобы при любом раскладе остаться в выигрыше, ни за что не неся при этом ответственности. Просчитался: на сей раз выйти сухим из воды не удалось...

¹⁶ Пихоя Р. Советский Союз: история власти. 1945—1991. М., 1998. С. 654.

Не занимал он четкой и ясной позиции и во многих других случаях. Горбачев так и не решился на формальное введение частной собственности и масштабный передел госсобственности — чего ждали от него правые, но и не выступил открыто против самой идеи осуществления этих мер — на чем настаивали левые. Он все время юлил и колебался, стараясь переиграть всех и оттянуть время окончательных и определенных решений. Стремился заниматься политикой, реформированием в белых перчатках, избегая не только насилия, но и любых жестких и решительных мер, которые неизбежны на крутых поворотах истории.

Горевший желанием нравиться всем (особенно на Западе), Горбачев пытался добиваться консенсусов и компромиссов даже тогда, когда обстановка требовала от него проявить бойцовский характер, стукнуть кулаком по столу, надеть наручники на самых ретивых смутьянов и подстрекателей к беспорядкам; он проиграл, отсиживаясь в Форосе и выжидая, чем закончится авантюра в Москве. А если что-то и предпринимал, так только для того, чтобы впоследствии иметь возможность оправдаться за свое бездействие и избежать обвинения в сговоре с путчистами. В конечном счете он в очередной раз предал всех — и потерпел сокрушительное поражение.

Неожиданным образом характеризует Горбачева — руководителя социалистической державы, лидера крупнейшей в мире компартии, неустанно провозглашавшего свою верность идеям социализма, — дипломат, профессор Колумбийского университета, бывший посол США в СССР Дж. Мэтлок, в годы перестройки постоянно общавшийся с генсеком-президентом. «Нужно признать, — характеризовал Мэтлок Горбачева, — что некоторые вещи он вообще не понимал или понимал очень плохо. Первое — он плохо понимал экономику, у него было какое-то, я бы сказал, упрощенное понимание социализма. Он изначально отрицал социалистические идеи только потому, что они социалистические, и приветствовал капитализм, не осознавая, что, например, в экономиках развитых капиталистических стран, где основными являются идеи частной собственности, в то же время сильны и многие идеи социализма... Как, например, в Швеции, где государство различными мерами поддерживает высокий уровень жизни. То же самое есть и в других европейских странах, да, кстати, есть это и у нас... Мы в США не называем это социализмом, потому что у нас это отрицательный термин, но и для нашей экономики характерны такие черты, взятые из учения социализма, как, например, значительная социальная поддержка населения. Удивительно, что Горбачев этого не видел... В результате ваша страна оказалась в водовороте дикого капитализма...»¹⁷

По меньшей мере забавно (а вообще-то — позорно и страшно), что посол крупнейшей капиталистической державы упрекает лидера державы социалистической, руководителя коммунистической партии в недостаточно уважительном отношении к социалистическим ценностям и излишнем преклонении перед капитализмом...

¹⁷ Дипкуррьер НГ. 17.02.2000. № 3

Трагические события августа 1991 года, положившие начало организационному распаду партии, расколу приверженцев социалистического движения и открытому выходу на арену политической борьбы сторонников радикального либерализма, поставили журнал перед решающим в его истории выбором: с кем быть, какую линию в дальнейшем проводить.

Через несколько дней после августовского переворота журналистский коллектив редакции принял решение учредить новое издание и назвать его «Свободной Мыслью». Это было связано прежде всего с тем, что после ельцинского указа о запрете КПСС журнал просто не мог выходить под прежним названием. Под новым названием и вышел следующий номер журнала за 1991 год. На первых его страницах было опубликовано краткое, но исключительно емкое «Слово к читателям». Фактически оно раскрывало идейные позиции и содержало целую программу дальнейшей деятельности журнала. Эта намеченная учредителями программа во многом сохраняет свою актуальность и поныне.

«Мы не принадлежали и не будем принадлежать к тем, — говорилось в «Слове», — кто в изменившихся обстоятельствах готов сжигать и предавать все, чему — иногда с избыточным усердием — поклонялся совсем недавно. Тем более непристойно делать это из страха или корысти... В отличие от других, мы не можем и не хотим заявлять о своей полной независимости. Мы открыто признаем, что зависимы: от нашего исторического прошлого (его не сжечь даже вместе с партбилетом), от законов нравственности, от требований добросовестности и объективности. Мы зависим от нашей убежденности, что насилие, ненависть, нетерпимость, национальный эгоизм и националистическая спесь губительны для свободного союза республик, для России, для ее эволюционного, постепенного развития. Мы зависим, потому что хотим всегда помнить об ответственности, без которой и свобода, и независимость — опасны...

Естественно, что журнал, избирающий новое имя, выбирает его не случайно. Мы намереваемся стать открытой трибуной демократических левых сил и будем рады, если поможем их взаимопониманию и согласию. Мы не собираемся быть ничьим рупором и ретранслятором; опыт показал, что это малоблагодарное занятие; но дать выход разным голосам, представляющим демократическое, республиканское, социалистическое крыло общественной мысли, мы готовы всегда. Мы также готовы к воспроизведению других оттенков интеллектуального спектра, не только политического, но прежде всего научного, то есть философского, исторического, экономического и т. д., полагая единственным условием сотрудничества — доказательность и добросовестность мысли, ее непредвзятость. Этому правилу мы старались следовать и раньше, но, может быть, не так последовательно, как желалось бы. Если мы и хотим изменить свое лицо, то не настолько, чтобы его не могли узнать. Тем более мы не хотим ни прятать свое лицо, ни отрекаться от него. Перелицовываться — занятие не для нас. Но новое лицо журнала предполагает все-таки *свободную мысль*, и никакую другую., и значит, отличие от предыдущей идейной установки журнала очевидно...

Наш сегодняшний выбор, — писали в заключение авторы “Слова”, — не отделим от выбора народа: демократия, а не диктатура; свобода слова, а не подавление инакомыслия; здравый смысл, а не фанатическое доктринерство; власть труда, таланта, социальной справедливости, культуры...

Путь нашего журнала — всесторонний анализ политических и социально-экономических процессов, происходящих в стране и мире, восстановление исторической конкретной правды (в частности, в документах и свидетельствах) о нашем прошлом, поддержка всего талантливого в науке, культуре, искусстве, популяризация и сбережение духовного наследия, защита демократии и социальных завоеваний нашего народа»¹⁸.

На протяжении всех последующих лет журнал, несмотря на утрату большей части прежних сотрудников и смену руководителей, в целом оставался верен поставленным задачам. Определив себя как международный общественный журнал, посвященный актуальным проблемам политики, экономики, истории и культуры в трактовке ведущих российских и зарубежных ученых, он с первых

Только на страницах «Свободной Мысли» российские и зарубежные ученые, общественные и политические деятели имели возможность делиться с широкой аудиторией результатами серьезного, научного исследования процессов, развивавшихся в России и за ее пределами, подвергать скрупулезному анализу опаснейшие для нашей страны и ее народа тенденции, важнейшие события и явления в политической, экономической, культурной жизни.

дней своего существования в качестве независимого издания активно включился в освещение и критическое осмысление тех чрезвычайно сложных и противоречивых проблем, которые обрушились на Россию в результате политики оказавшегося у власти ельцинского режима.

Конечно, в стране имелось немало оппозиционных изданий, которые с разных позиций, в резкой и порой крайне нелюбимой форме разоблачали антинародный курс правящей верхушки. Но только на страницах «Свободной Мысли» российские и зарубежные ученые, общественные и политические деятели имели возможность делиться с широкой аудиторией результатами серьезного, научного исследования процессов, развивавших-

¹⁸ Свободная Мысль. 1991. № 14. С. 3—5. Интересно заметить, что в этом первом номере обновленного журнала была среди прочего помещена статья молодого экономиста М. Делягина, который через два десятилетия станет его главным редактором и издателем.

ся в России и за ее пределами, подвергать скрупулезному анализу опаснейшие для нашей страны и ее народа тенденции, важнейшие события и явления в политической, экономической, культурной жизни.

В первые январские дни 1992 года принявший на себя бразды управления экономикой гигантской страны Е. Гайдар, никогда до этого никем и ничем всерьез не руководивший (если не считать отдела экономики из трех человек в журнале «Коммунист» и аналогичного отдела в «Правде»), подготовил постановление о переходе на свободные рыночные цены. К концу года цены в среднем выросли в 26 раз, а хлеб подорожал в 43 раза. В целом за период 1992—1996 годов индекс потребительских цен вырос в 2177 раз!

Когда те, кому выпала доля пережить описываемое время, вспоминают о нем, в их памяти всплывает картина безграничного, бескрайнего либерализма — всеобщие хаос и анархия, массы людей, бросившихся на улицы продавать все, что у них есть под рукой, чтобы хоть как-то прокормиться, трескучая демагогия власти о «невидимой руке» рынка, которая, мол, одна только способна спасти страну, и быстрое формирование класса крупных собственников. Ничего, кроме неслыханной нестабильности и почти физически ощущаемого страха за завтрашний день, на память и не приходит.

Но, как скоро выяснилось, гайдаровский отпуск цен и лишение народа всех его сбережений были лишь началом. За этим последовали новые «свершения» реформаторов: растаптывание действовавшей Конституции, ставшей результатом подъема масс конца 1980-х — начала 1990-х годов, и замена ее новой, по сути своей монархической. Расстрел парламента, мешавшего осуществлению грандиозных замыслов по разграблению госсобственности, разжигавшей аппетиты новых правителей и их окружения. А потом начались и сами реформы: захват горсткой лиц, оказавшихся поблизости от власти, национальных ресурсов, по праву принадлежавших всему народу, и созданных руками этого народа заводов, шахт, портов, нефтепромыслов. Ясно, что ни одна из таких «реформ» ни к чему бы не привела, если бы коррумпированный госаппарат сам не участвовал в этом «хапке» и сознательно не закрывал глаза на хорошо налаженные каналы перекачки капиталов за границу. Чисто российским «ноу-хау» стало присвоение общенародной собственности с помощью так называемых залоговых аукционов. Скрупулезное расследование, проведенное аудиторами Счетной палаты РФ, признало практически все эти аукционы «притворными сделками»: собственность «покупалась» не за счет средств их участников, а за счет денег, которые Минфин, то есть государство, само передавало специально отобранным банкам — то есть бесплатно.

На протяжении всех этих невероятно тяжелых для народа лет небольшой коллектив «Свободной Мысли» отдавал свои силы и знания всестороннему разоблачению порочного социально-экономического и политического курса ельцинского режима. Не было ни одного номера журнала, в котором не публиковались бы статьи и заметки с аргументированной критикой деятельности либеральной «элиты», обрекавшей на нищету и вымирание миллионы людей в России.

На конкретных фактах, примерах из реальной жизни различных регионов авторы журнала показывали, что страна в ельцинские годы провалилась

в своего рода «черную дыру», в которой время течет вспять. И специалистам остается спорить лишь о том, на сколько десятилетий назад Россия оказалась отброшенной по уровню жизни народа, промышленному, сельскохозяйственному производству, каковы масштабы катастрофы, переживаемой отечественными наукой, культурой, образованием, здравоохранением и т. д. Гадать о том, во что обошлось стране невежество радикал-либералов, твердо зазубривших постулаты американских учебников по экономике, но не знавших (да и не желавших знать) реалий российской жизни; вознамерившихся совершить в России буржуазную революцию — не имея в наличии буржуазии; построить рынок — лишив подавляющее большинство народа денег. Годами расхищавших национальные богатства и деливших госсобственность — но в большинстве своем так и не научившихся эффективно управлять этой собственностью, предпочитая заниматься финансовыми махинациями.

Как показывал журнал, те, кто искренне доверял обещаниям Ельцина, отдавая голоса за него, оказались самыми одураченными. Горстка ловких и предприимчивых дельцов выжала из народа все, что только можно было выжать для «первоначального накопления капитала». Дальше произошло сращивание денег и власти, при котором деньги рожают власть, а власть рождает еще большие деньги. Вершителями судеб страны стали криминально-олигархические кланы, которым, как и власти, нет никакого дела до жизни рядовых граждан. О них вспоминают лишь в канун очередных выборов и забывают сразу же после подсчета голосов.

Ссылаясь на констатацию профессора Гарвардского университета Н. Эбершадта, согласно которой «никогда прежде ни одна индустриально развитая страна не переживала столь суровый и длительный кризис в мирное время», журнал убедительно демонстрировал читателям результаты разрушительной деятельности правившего в России альянса либералов, олигархии и безответственной, коррумпированной власти. Они шумели на весь мир о грядущем экономическом подъеме в условиях рынка — и добились развала хозяйственной системы страны, успев проесть то, что было создано в течение предшествующих семи десятилетий трудом нескольких поколений наших соотечественников. Кричали о борьбе с привилегиями и неравенством — и создали для самих себя условия, позволяющие возводить целые замки со сворой челяди и охранников, переводить миллионы долларов на зарубежные счета и сохранять едва ли не тридцатикратный разрыв в доходах самых бедных и самых богатых российских граждан.

Клялись, что обеспечат по паре «Волг» на каждый ваучер — а в итоге оказались не в состоянии вразумительно объяснить, что же дала стране приватизация, кроме идеальной питательной среды для процветания коррупционеров и откровенных бандитов, контролирующих огромную долю национальной экономики. Вселили в души людей надежды на лучшую, достойную жизнь — а потом столкнулись с невозможностью преодолеть апатию и недоверие народа к политикам, справиться с безнадежностью, ожесточением и отчаянием большинства. Провозгласили мерилom счастья и успеха одни лишь деньги, превратили погоню за материальными благами в цель и смысл жизни — и привели к тому, что общество утратило духовные идеалы в несравнимо большей степени, чем за все предыдущие десятилетия

XX века. Начинали с красивых фраз о демократии, правах человека, ценностях западной цивилизации — пришли к грязным скандалам вокруг квартир и дач, взятки за незаконные сделки и операций по отмыванию денег. Требовали истинной, не ограниченной никакой цензурой свободы слова — довели дело до того, что денежным мешкам было дозволено прибрать к рукам СМИ в центре, а местным полновластным князькам — установить над ними тотальный контроль в регионах.

На все лады трубили о необходимости для российских граждан по капле выдавливать из себя раба — в итоге превратили их в своеобразных зомби, в объект непрерывных манипуляций общественным сознанием со стороны политически и идеологически ангажированных электронных и печатных СМИ. Объявляли о намерении присоединить Россию к «цивилизованному миру», покончить с «коммунистической угрозой» — и, разрушив СССР, обрекли страну на невыносимое национальное унижение, сделали ее объектом жесточайшего давления, ставящего целью заставить нас принять западные правила игры, согласиться на второстепенную роль в мире. Но главное, наиболее существенное состоит в том, что страну не только не вывели на качественно новый уровень политического и экономического развития, но и обрекли на разорение, упадок и одичание. Как очень точно замечал язвительный Ф. Искандер, «у нас не просто дикий, у нас дичайший капитализм. И свобода диковатая»...

Естественно, что четкая, последовательная позиция журнала вызывала доверие и авторитет не отравленной либеральной идеологией, самостоятельно мыслящей части общества. Вот как оценивал роль и значение журнала в идейно-политической жизни новой России крупный историк и политолог К. Брутенц: «Биккенину и его товарищам по редакции российская общественная жизнь обязана существованием журнала “Свободная Мысль” — едва ли не уникальным феноменом в мире российской прессы. Высокоинтеллектуальное, но свободное от элитарного снобизма, острокритическое в отношении прошлого, но далекое от злобного хуления, патристичное, но лишенное “третьеримских” притязаний, интернационалистическое, аргументирующее и разъясняющее необходимость интеграции нашей страны в мировое глобализирующееся пространство, но отвергающее раболепное и слепое подражание Западу, последовательно демократичное, но не сводящее, подобно российским либералам, демократию к ничем не стесняемому индивидуализму и неограниченной власти денег — это издание стало одной из трибун инакомыслия в современной России»¹⁹.

Редакция оказалась в те годы в очень сложном положении. Чтобы как-то выжить и решить материальные проблемы, пришлось сдавать в аренду уж не помню какому банку первый этаж здания. Но тут же вызов журналу был брошен с совсем неожиданной стороны: неизвестно откуда взявшиеся люди, объявившие себя потомками дореволюционного дворянства, облюбовали наше здание для воссоздания того, что они именовали «Дворянским собранием». Поскольку Ельцин вместе со своим охранником Коржаковым на всякий случай (вдруг режим окончательно рухнет!) тайно разыгрыва-

¹⁹ Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 77–78.

ли в то время «монархическую карту», приглашали в Москву наследников императорского семейства, противостоять попыткам рейдерского захвата здания становилось все сложнее. Несмотря на наличие у нас всех необходимых документов, на стороне «неодворян» оказалась и прокуратура. В один из осенних дней 1993 года сотрудников редакции попытались не пустить в принадлежавшее нам по закону здание. Только поддержка, оказанная нам местным отделением милиции и хорошим другом журнала, корреспондентом итальянской газеты «Стампа» в Москве (впоследствии — депутатом Европарламента) Дж. Къзой, пригрозившим захватчикам известить об их действиях всю европейскую общественность, помогли нам войти в здание и занять свои рабочие места. Пришлось ускорить поиски другого помещения.

В сентябре 1994 года редакции была выделена небольшая комната в Горбачев-фонде, занимавшем тогда два этажа одного из зданий Финансовой академии на Ленинградском проспекте. Ненадолго сотрудников журнала даже зачислили в штат фонда. Кое-кто из его руководства пытался в то время склонить нас к переименованию «Свободной Мысли» в «Горбачев-журнал». Это предложение было нами решительно отвергнуто, после чего фонд потерял к нам интерес. Вынужденный переход журнала под крыло «отца перестройки» очень дорого стоил имиджу журнала. Именно по этой причине мы потеряли тогда значительное число читателей и подписчиков. Отмываться от клейма «горбачевского рупора», каковым мы на самом деле никогда не были, пришлось долго. Переезд фонда в новое здание, построенное для себя Горбачевым, закончился тем, что нас, не попрощавшись, бросили на произвол судьбы. Возникшее к тому времени лужковское движение «Отечество» на какое-то время приютило нас в «Московском доме общественных движений» на Мосфильмовской улице. Вопреки всем трудностям, журнал продолжал выходить в свет (многомесячный перерыв в издании произошел только после дефолта в 1998 году) и с приходом к власти президента В. Путина не изменил своей независимой позиции.

В конце июля 2003 года коллектив редакции избрал новым главным редактором много лет тесно сотрудничавшего с журналом, а непродолжительное время даже трудившегося в его редакции экономиста и политолога В. Иноземцева. В распоряжение редакции был предоставлен кабинет в здании Московско-парижского банка в Милютинском переулке, где работал новый главред. Ни в коей мере не отказываясь от своей прежней политической ориентации, продолжая критически анализировать складывающуюся в России политическую и экономическую ситуацию, журнал в этот период стал уделять большее внимание вопросам международных отношений, исследованию проблем глобализации, различных аспектов постиндустриального общества. Совершенно новым направлением явилось инициированное Иноземцевым издание в качестве бесплатного приложения к журналу целой серии переводов новейших исследований западных авторов, посвященных актуальным проблемам международного развития, экономики, права, футурологии и т. п. К сожалению, эволюция мировоззрения В. Иноземцева, его смещение на праволиберальные позиции со временем стали наносить ущерб репутации журнал, да и сам он утратил прежний интерес к издательской деятельности.

Новый этап в жизни журнала связан с приходом в январе 2012 года на пост главного редактора и издателя «Свободной Мысли» известного экономиста, публициста и политика М. Делягина. Благодаря его систематическим выступлениям в различных СМИ, широкие круги российской общественности хорошо осведомлены о его взглядах и оценках нынешней ситуации в стране.

М. Делягин никогда не скрывал своего негативного отношения к идеологии и практике либералов, установивших контроль над экономическим блоком во властных структурах России. По его убеждению, либеральная макроэкономическая теория, восторжествовавшая с уничтожением СССР в большинстве государств, не имеет отношения к стремлению человека к свободе и ответственности, которое понимается под либерализмом в политике. Суть экономического либерализма, четверть века назад сконцентрированного в догмах Вашингтонского консенсуса, в ином: государство должно служить не своему народу, а глобальному бизнесу.

«Противоестественность этого, — отмечает М. Делягин, — завела мир в тупик чудовищного глобального кризиса; Вашингтонский консенсус же выродился в устаревший идеологический конструкт, навязываемый слабым странам для удержания их в состоянии ресурса, но не участника глобальной конкуренции. Уникальность России и в том, что ее руководство, как будто последней четверти века национального предательства не было вовсе, отдало социально-экономическую политику в руки либералов»²⁰.

Такая принципиальная позиция и определяет подход журнала к оценке внутренней и внешней политики правящего ныне режима в стране, лежащей в основе его деятельности идеологии, к освещению актуальных проблем международной жизни. А это содействует более активному привлечению внимания читателей к журналу. За счет притока новых, свежих сил заметно расширился круг и география авторов, регулярно выступающих на страницах журнала. Более острыми и глубокими по содержанию стали публикуемые материалы. Изменился даже внешний облик журнала. Он стал более крупным по формату, с прекрасной, красочной обложкой и великолепным, легко читаемым шрифтом. Продолжая и развивая лучшие традиции своего 90-летнего прошлого, постоянно расширяя тематику публикуемых статей, «Свободная Мысль» по праву может гордиться тем, что пользуется высоким авторитетом в научных и политических кругах, среди широкой массы читателей, проявляющих интерес к качественной аналитике и серьезной публицистике. ◆

²⁰ www.vz.ru/opinions/2012/6/2/581764.html